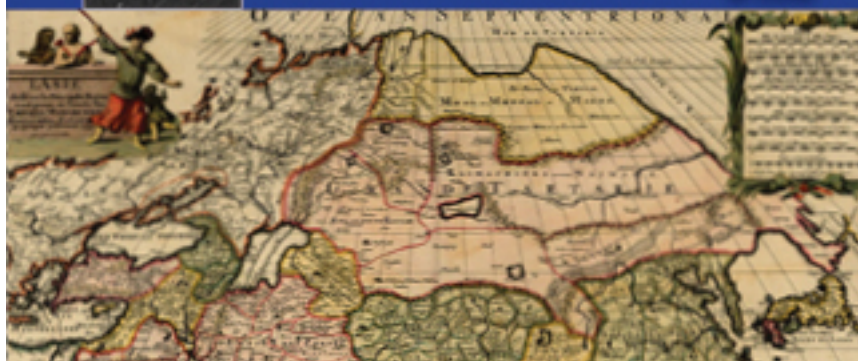

Василий Ян

Записки пешехода

ФТМ

Василий Ян
Записки пешехода

«ФТМ»
1907-1938

Ян В.

Записки пешехода / В. Ян — «ФТМ», 1907-1938

«Деревня Малмыжка стояла далеко от уездного города, затерянная среди большого казенного леса, на берегу реки, по которой весной в половодье сплавлялись дрова и барки. Летом река высыхала настолько, что по ней плавали только в плоскодонных лодках...»

© Ян В., 1907-1938

© ФТМ, 1907-1938

Содержание

Книга первая	5
Голодная зима	5
Живучие люди	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Ян

Записки пешехода

Моему отцу

Приношу искреннюю благодарность кн. Э. Э. Ухтомскому, Ал. Ал. Суворину, С. Н. Сыромятникову, а также всем лицам, которые оказывали мне свое содействие в моих скитаниях по Святой Руси.
В. Я. Ревель, 4 V, 1901.

Книга первая

*Не всегда клубиться небу тучами
И грозить холодными метелями.
Не всегда идти дороге кручами,
Темной чащей с седыми елями.
Не томиться век тебе кручинами!
Побежит дороженька равнинами,
Вольной степью, рощами тенистыми
С светлыми ручьями, серебристыми.
Солнце засияет, тучи скроются,
И слезами горе с сердца смоеся.*

Народная песня

*Что же ты, лучинушка,
Не ясно горшишь,
Что не вспыхиваешь?
Неужели ты, лучина,
В печке не была?
Я была, была в пече
Во сегодняшней ночи.
Лютая свекровушка
В печку лазила,
Чугун с водой пролила,
А меня, лучинушку,
Она облила.*

Записана в деревне Кузнерке, Малмыжского уезда

Голодная зима

Элегия в прозе

Деревня Малмыжка стояла далеко от уездного города, затерянная среди большого казенного леса, на берегу реки, по которой весной в половодье сплавлялись дрова и барки. Летом река высыхала настолько, что по ней плавали только в плоскодонных лодках.

Неурожай, захвативший всю губернию, ударил и в этот уединенный уголок. На полях, из растрескавшейся от жары земли, потянулись редкие пустые колосья, годные только на корм скоту. Раньше в деревне всегда бывали общие интересы и радости, но беда разбила всю деревню на отдельные группы и кружки, заботиться стали только о себе и самых близких. Каждый

родственный кружок враждебно смотрел на другие, скрывая запасы, словно боясь чего-то. В деревне стало скучно и угрюмо.

Настя, дочь крестьянина Трифона Плотникова, испытала более всех тяжесть одиночества. Ее раньше всегда считали строгой и неприступной, потому что она на гулянья ходила редко, и парня – «прияточки» у нее не было. Парням она нравилась, высокая, румяная, с сильными руками, со спокойным и гордым взглядом.

Ее отец, тихий задумчивый мужик, взял покойную свою жену из дальней деревни, и родственников в Малмыжке у него не было. Когда беда приступила, он потолковал с дочкой и бабкой и ушел в Казань на заработки. Настя перевезла отца на тот берег реки и, вернувшись, долго сидела на высоком берегу и глядела, как по низким отлогим лугам шел мерной страннической походкой отец.

Раньше бывали не раз тяжелые времена, но не бывало того, что случилось теперь. Старики рассказывали, что они помнили неурожаи, но тогда бывали запасы, и народ выкручивался из беды. В старое время люди жили расчетливее. Но лет десять назад подати увеличились вдвое; то, что родилось, свозили по реке на лодках и зимой на санях в город, деньги же как-то в руках не удерживались.

Когда родственные кружки, замкнувшись, обошли Настю, она сделалась еще строже, еще неприступнее к другим. Ей нравилось сидеть дома, прясть и слушать бабку. Та рассказывала про свое прошлое, как она была молодая и как жила в услужении у купца.

Через два месяца пришло письмо от отца. Он писал, что работать теперь трудно, так как мужичье навалило в город со всех сторон, но что он все-таки работает в каменщиках, здоров, шлет свое благословенье и пять рублей денег.

Письмо принес из волости односельчанин, мужик степенный и верный, но пяти рублей в конверте не было.

– Волостной старшина письмо мне выдал и говорит, что батька твой дурак, зачем золотой червончик вложил, монетка-то махонька, кругленька, сквозь щелочку-то она и выкатилась... Да врет он, мошенник, поди, рожа-то красная, масляная, сидит, чаишко дует и в бороду посмеивается!

Настя хотела пойти к волостному, потребовать денег, но бабка ее отговорила:

– Еще выпороть прикажет, – не ходи! Деньги пропащие, поголосим, легче станет!

К земскому начальнику Настя тоже не пошла жаловаться; он жил в двадцати верстах, доступ к нему был трудный, идти к нему приходилось «на авось», так как у него был один приемный день в неделю; если же приходили в другие дни, то мужиков гнали прочь.

Настя и бабка два дня поголосили, сидя на печи, обняв руками колени и покачиваясь из стороны в сторону, и не раз потом, в течение месяца, когда вспоминали об этом, начинали снова голосить.

Бабка, которая мало спала, по ночам шепотом читала молитвы или начинала разговаривать сама с собою. Они вдвоем лежали на печи под одним тулупом. Настя любила, проснувшись, прислушиваться к непрерывному шепоту бабки и угадывать, о чем и про кого она говорит.

В избе было темно, только два окошка вырисовывались странными светловатыми пятнами во мраке. Ветер шумел на улице, качал соседнее дерево, всю ночь ударявшее сухими голыми ветками по стене избы. В ночной тишине чуткий слух Насти улавливал, как причудливый порыв ветра задевал солому на крыше в разных концах, и ей казалось, точно какие-то большие птицы бегают по крыше и задевают солому перьями. Бабка шепчет что-то несвязное, неразборчивое... Настя придвинулась ближе, вслушивается и различает слова. И не знает Настя, бредит ли бабка, или говорит наяву.

Замолчала бабка, зашептала молитвы. Насте страшно стало, окна глядят в темноте, как два тусклых глаза. Кажется, что кто-то тихо в окошко стучится, кто-то высокий и темный по избе ходит и половицы под ним скрипят.

– Бабка, а бабка, мне страшно, – шепчет Настя.

Бабка протягивает дрожащую сухую руку, крестит Настю и гладит по ее лицу и волосам. Но стук в окно усиливается, кто-то настойчиво, но тихо стучит ногтем по стеклу.

– Бабка, а ведь быдто кто стучит? Боязно!..

Настя тихо спускается с печи, ощупывая в темноте босыми ногами, куда ступить, и подходит к окну. Там действительно видна чья-то высокая темная фигура.

– Кто там? – кричит Настя. Фигура придвигается к окну. – Кто такой будешь?..

– Ты Настасья Трифонова Плотникова?

– А ты чей будешь? На что тебе?

– Не ладно с улицы-то говорить,пусти в избу!

– Да мне боязно, что ты за человек? Поди – недобрый?

– Слушай – я старшина волостной, али не признала? Да огня не разводи, я сейчас назад уеду.

– Да ты побожись!

– Вот-те Христос!..

Настя накинула полушубок, зажгла жестяную лампочку без стекла и с нею вышла в сени. Отодвинув засов, она впустила высокого мужика. Борода и волосы были растрепаны, глаза глядели мрачно.

– Ты и есть Настасья?

– Иди в избу что ли, что здесь остановился?

– Ладно! Деньги вам – пять рублей были поштою. Так я сказал, что они потеряны. Не правду сказал тогда... Сынишка мой заболел, умирает. Так совесть меня замучила, – не из-за меня ли? Грехов у меня много по разным местам. Деньги-то свои возьми, да еще 40 копеек от меня. Простите меня окаянного! Всем умирать приходится, смерть у нас закосила по селу, мало кто на лавке не повалился.

Настя взяла золотой, но от 40 копеек отказалась: «Христос с тобой! И на наших спасибо!» Ей стало жалко старосту; подперевши щеку рукой, она спросила:

– Так сынишка твой болен, говоришь?

– Умирает. Я ночью сюда подъехал, чтоб мужики не видели. Лошадь в лесу привязал. Помолись за парнишку, обидел я тебя, так твоя молитва быстрее до Бога дойдет. Да смотри, никому не сказывай, что я приезжал. Я ведь тайком... Прощай!..

– С Богом!

Настя задвинула засовом двери и вернулась к бабке на печь под теплый тулуп. В избе стало опять тихо. Где-то на деревне, надрываясь, лаяла собака. Появление старшины казалось сном, но реальным оставался золотой.

Настала зима, очень снежная, сугробы снега окружили Малмыжку со всех сторон. Часто деревня была отрезана от всего мира, когда над ней кружились метели. Некоторые семьи соединились в одну избу, чтобы теплее было и легче прокормиться. Запасы тщательно оберегались и все следили друг за другом.

Сена не было. Скоту давали старую солому. Коровы с взъерошенной шерстью мычали целые дни.

Мужики, не желая дожидаться падежа, стали резать скотину. Но коровы, казавшиеся надежными, падали и, не вставая, околевали. Мужики подвешивали скотину к потолку на веревках. Падали и лошади. Их оберегали, кормили чем могли, но лошади бессилели и с трудом возили дрова из лесу.

Понемногу стали учащаться болезни. Больше заболели женщины и дети; начиналось с того, что чувствовалась сонливость, слабость, желанье лежать и не двигаться. Больная ложилась на лавку или печь и молча, неподвижно лежала часы и дни. Затем появлялись опухоли, боли. Ежедневно число лежащих увеличивалось.

Если бы пройти по всем избам, то в каждой ударил бы в нос тяжелый одуряющий запах множества скученных людей и всюду видны были бы лежащие безмолвные тела взрослых и детей, покрытых тряпьем и овчинами. Некоторые заболели иначе. У них появлялся жар и озноб, болел живот и они, помучившись, умирали или медленно оправлялись.

В деревню никто не приезжал. Только из нее ездили мужики в село, в котором было волостное правление, церковь, лавки и кабак. Мужики возили туда отпевать умерших, гоняли скотину, продавали свои имевшие какую-нибудь цену вещи. Оттуда привозили домой муку.

Раз в воскресенье приехали в деревню вотяки на трех санях, запряженных парами лошадок с бубенчиками. Они были в мохнатых меховых шапках, со слезливыми маленькими глазами; на тулупах были цветные нашивки, лапти переплетены красными и зелеными тесемками. Они приехали, чтобы взять к себе на усыновление нескольких детей.

Мужики знали, что хотя вотяки живут бедно и грязно, но это от скупости, что они народ богатый, у них и деньги имеются и большие запасы хлеба. Если им дать детей, те по крайней мере не распухнут и не подохнут от голода. Втайне мужики надеялись в будущем детей отнять обратно.

– Мой ребятки не имел, Божинька не давал. Продавай ребятки, мой деньги давал, кормил, сын сделал, когда мой помирал, – хозяин сделал!..

Вотяки взяли нескольких «красеньких», то есть рыжих мальчиков и белокурых девочек и оставили по полтиннику и по целковому за каждого. Бабы ревели, бежали за санями, мужики смотрели в стороны, не решаясь взглянуть друг другу в глаза, плевались и повторяли:

– Божья воля, шут их дери!..

Вечером достали бог весть откуда водки, все перепились, стыдили друг друга «каинами», и была драка великая.

В феврале бабка распухла, постонала недели две и померла. Настя сама ее обмыла и одела. Пришел малознакомый паренек и сказал, что он сколотит гроб и свезет бабку в церковь. Он был невысокий, с жесткими щетинистыми волосами, такими светлыми, что они были светлее его лица. У него были добрые голубые глаза, и он постоянно краснел так, что лицо покрывалось багровыми пятнами. Настя не ожидала именно от него услуги, так как с ним до сих пор она двух слов не сказала.

Гроб был им сколочен к вечеру; паренек с Настей сложили в него окоченевшую бабку и поставили на стол посреди избы. В головах прилепили восковую свечку. В избе было темно. Настя, сидя возле гроба на лавочке, медленно и старательно читала псалтырь. Слабый мерцающий огонек свечи бросал косые лучи на загорелый морщинистый лоб бабки со сдвинутыми бровями. Поскрипывал сверчок за печкой.

Паренек приходил еще раза два, садился на лавку возле дверей, мял шапку в руках, слушал святые непонятные слова, которые читала Настя; или вставал, подходил к гробу и, краснея багровыми пятнами, любовно гладил загорелой рукой по свежеструганным сосновым доскам, стараясь сохранить серьезный и деловой вид.

Настя сидела ночью возле гроба, то читала псалтырь, то сидя начинала дремать, глаза сами слипались, как она ни старалась сохранить бодрость.

Утром она надела полушубок и валенки и туго перепоясалась кушаком. В избу собрались несколько женщин и детей, соседних мужиков. Они помогли вынести гроб и поставить его на дровни. Исхудалая и взъерошенная Буланка возовым размеренным шагом потащила дровни на село. Настя с кнутом пошла рядом.

* * *

Мужики не раз спрашивали старосту, не собрать ли сход и просить земского начальника о пайках. Они слышали, что во многих местах выдавались ссуды хлебом. Староста неизменно отвечал:

– Нельзя, ребятки. Волостной сказывал, что земский заругает; не позволяет, говорит, просить о пайках. А где сход собирали, там сейчас в «холодную» старост посадил. Большая мне охота из-за вас сидеть в «холодной»?

Мужики почесывали затылки и говорили:

– Оно действительно!..

В марте неожиданно привезли земский хлеб, присланный управою.

Староста потирал руки и говорил:

– Видите, ребятки, и прислали нам хлеба, а намозолили бы земскому, он бы осерчал и ничего бы мы не получили. В Котловке и Мольнгурте жаловались в управу, ничего им и не выдали!

Мужики опять повторяли:

– Оно действительно!..

Но не все остались довольны. Хлеб раздавался не всем, а избранным нуждающимся, по усмотрению старосты. Настю обошли. У нее оставалось немного муки, которую она берегла, урезывала и старалась продлить на возможно большее число дней. От отца не было никаких известий. Она решила уйти куда-либо на заработки или временно поступить послушницей в монастырь.

* * *

Настя уже не была дородная, румяная девка. И на ней отразилась голодная зима, медленно и неуклонно высасывавшая жизнь, здоровье, бодрость из каждого взрослого и ребенка. Настя исхудала, сделалась тонкой и высокой, с тихими движениями. Расширенные темные глаза смотрели куда-то мимо людей. Соседи глядели на нее с жалостью и боязнью, говоря: «Черная девка стала».

Перед ее уходом пришел к ней беловолосый паренек, который делал гроб бабке, перекрестился на икону и сел на лавку.

– Я долото никак забыл, – сказал он, глядя в сторону и покраснев. – А ты куда уходить хочешь?

Настя не отвечала.

– А ты не уходи!..

Настя слабо покраснела, но кровь сейчас же опять исчезла с ее лица, темного, как на старых иконах.

– Меня голоса зовут... Страшно мне тут. Бабка это за мной приходит или ангелы за мою душеньку спорят? И ночью и днем, как только тихо станет в избе, так быдто в углу кто-то двое шепчутся, а слов не понять. Один быдто сердитый, скоро говорит и бранится, а другой жалобный, точно плачет, все быдто оправдывается или просит. Мне страшно здесь. Моченьки нет оставаться. Я в Казань схожу, может, это батька меня зовет, болен, поди, лежит где на дороге и пожалеть его некому...

На другой день Настя ушла из деревни.

Народная песня

По травке, по муравке
Добрый молодец гуляет,
Красных девок выбирает.
Выбрал девку, выбрал красну,
Против себя становил,
Девке речи говорил:
«Пойдем, девка, пойдем, красна,
За ворота побороться!»
Девка парня поборола,
Черну шляпу с кудрей сшибла,
Русы кудри сколочила,
Синь кафтан да разодрала.
Пошел молодец, заплакал.
Девка парня сожалела,
Черну шляпу принадела,
Русы кудри причесала,
Синь кафтан да призашила.

Записана в деревне Кузнерке, Малмыжского уезда

Живучие люди

Осенью 1898 года я решил отправиться бродить по русским деревням.

Не для чего было ждать летнего времени. Хотя, конечно, было бы приятнее видеть крестьян на свежем воздухе, в поле за работой или у костра. Но чтобы видеть крестьян не в приукрашенном виде, а в соответствующей им серой и неприглядной обстановке, лучше всего отправиться к ним осенью, в полную распутицу, или зимою, в сильные морозы, когда все попрятались по избам, дел особенных не имеют и рады поболтать со всяким новым человеком.

Мне хотелось пожить жизнью крестьян, испытать и понять их печали и радости, хоть слегка и издали заглянуть в то, что называется «душою народа». Останавливаясь и живя в крестьянских избах, я мог ясно, без каких-либо преград, увидеть ежедневную жизнь крестьянина и все его заботы, которые нам кажутся такими ничтожными и мелочными, а для него имеют столь громадную важность и ценность.

Странное и сильное чувство я испытал, когда, впервые одев полушубок, отказался от всех привычек, сопровождавших меня с детства, от всех художественных и научных интересов, и попал в толпу мужиков в овчинах и чуйках, в лаптях, заскорузлых сапогах или валенках.

Мне казалось, что нет возврата назад, и никогда уже больше не вырваться из этой нищеты и грязной толпы. Я ощутил чувство полнейшей беспомощности, – предоставленный только самому себе, своей ловкости и находчивости, – и долго пришлось переделывать себя, чтобы освободиться от этого гнетущего, тяжелого чувства.

Даже в городе, на улице, меня все поражало на каждом шагу, в той толпе, которая шла прямо на меня, не давая дороги, тогда как раньше мужик сторонился перед моей форменной фуражкой.

Но по мере того, как я опускался все глубже и глубже в народную массу, к моему удивлению, весь окружающий меня бедный люд все возвышался, делался сложнее, люди оказывались задушевнее, серьезнее, типы интереснее.

И когда мужики не подозревали во мне «барина», я становился лицом к лицу с очень развитыми личностями, со свежим русским умом, с самостоятельными взглядами и удивительно оригинальными, разнообразными характерами.

Мне кажется, что разница в положении слишком прижимает и давит того, кто стоит ниже и находится в зависимости: при таком положении никогда не узнать ни души, ни мыслей того, кто бедствует и нуждается; часто замечал я, что мужик, разговаривая с баринком, притворяется непонимающим или подкакивает против собственного убеждения, – так сказать, косвенно или инстинктивно льстит, – унижая себя, он тем самым подзадоривает в барине мысль об его умственном превосходстве.

С точки зрения городского жителя, деревенская жизнь очень проста и незатейлива; но если войти в деревню на равной ноге со всеми ее обитателями, вы увидите, что каждый человек, каждый ребенок ничуть не менее сложен, чем интеллигентный человек или городской ребенок. У крестьян особенный язык, особая манера выражаться, но под этим скрываются глубокие и разнообразные мысли и чувства: только их не разглядеть тому, кто лишь на час завернет по делам в деревенскую избу.

Каждый отдельный район в России и каждая местность в этом районе имеют свою местную своеобразную культуру, которая незаметна только поверхностному туристу, но поддается внимательному и вдумчивому изучению.

Каждая деревня в этой местности имеет свой культурный материал, на котором воспитываются деревенские поколения.

Все в крестьянской избе, все его грошовой, на наш взгляд, вещи имеют ценность для крестьянина, с той же самой психологической точки зрения, с которой нам дорог медальон,

где тонко нарисован миниатюрный портрет нашей бабушки, или «вольтеровское кресло» прошлого столетия и т. д. С каждым предметом в избе связаны самые разнообразные воспоминания, начало которых пропадает в тумане прошлых лет.

Эти воспоминания столь же трогательны, как и в старинных дворянских семьях, которые описаны нашей дворянской литературой; но только для этих воспоминаний нет ни историка, ни писателя, и они хранятся, постепенно тускнея, в полуграмотной памяти народной массы. Этой психологической стороной можно объяснить, почему переселенцы нагромождают на свою телегу и везут за тридевять земель какие-то дешевые вещи, ничего не стоящие корыта и прочее. С ними связаны и радости, и печали, вся жизнь крестьянская, и они стали дороги их владельцу.

А между тем как игнорируется постоянно эта мужицкая душа и его чувство! Никогда не забуду одной тяжелой картины, которую увидел в деревне Голиной, Новгородского уезда, на сборе недоимок, когда из изб вытаскивали самовары, кули, выводились со двора коровы, телята, а крестьяне кричали становому:

– Оставь корову, она «береженная»! В поле у меня сена много, а ты приехал в распутицу, когда никакой дороги нет. Подожди денька два, дорога застынет, пойдут морозы, и я на санях вывезу все сено и продам, а теперь до него через лужи и не добраться...

Если обладать силой воли и крепкими нервами, то провести день-другой в крестьянской избе еще можно; но вся грязь, вонь и духота, царящие в ней от нищеты, начинают понемногу одолевать даже самого нетребовательного горожанина, решившего отказаться от какого бы то ни было ничтожного комфорта, подавить брезгливость и даже испуг, когда на второй день, приглядевшись к чужой крестьянской обстановке, начинает он замечать привычки и самые обыденные проявления этой их жизни.

Зимнюю жизнь в деревне пробуждается не очень рано, крестьяне встают в 7–8 часов утра и позже. Спят все вповалку на нарах, на полу или печке, накрывшись тулупами, одеялами, всем, что только может оказаться пригодным, так как комната постепенно остывает, в ней становится холодно.

Утром бабы растопляют печь тем, что могло быть насобрано: хворостом, щепками, соломой; дрова же слишком дороги. Когда постепенно проснутся и встанут взрослые и дети, каждый плеснет себе на лицо немного воды из ковшика, затем помолится усердно и долго перед образами, и все садятся за стол обедать. Едят из одной миски, и никому в голову не приходит обедать отдельно тому, кто в семье болен – в прыщах и язвах. Братство и общее уважение друг к другу не позволяют кем-либо гнушаться.

Все основано на психологическом отношении, и про больного из своей среды говорят одно: «никто, как Бог! Наказал его Господь, лишил носа, – на то Его святая премудрость, все мы под одним Богом ходим и сами всего ожидать можем».

В зимнее время крестьяне много ходят друг к другу «погреться», посидеть и побеседовать. В их взаимном отношении заметно большое уважение и «душевность», несмотря на наружную грубость, которая со стороны может показаться желанием обидеть. Оскорбительным считается только внутреннее враждебное отношение, хотя бы оно проявлялось в незначительных выражениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.